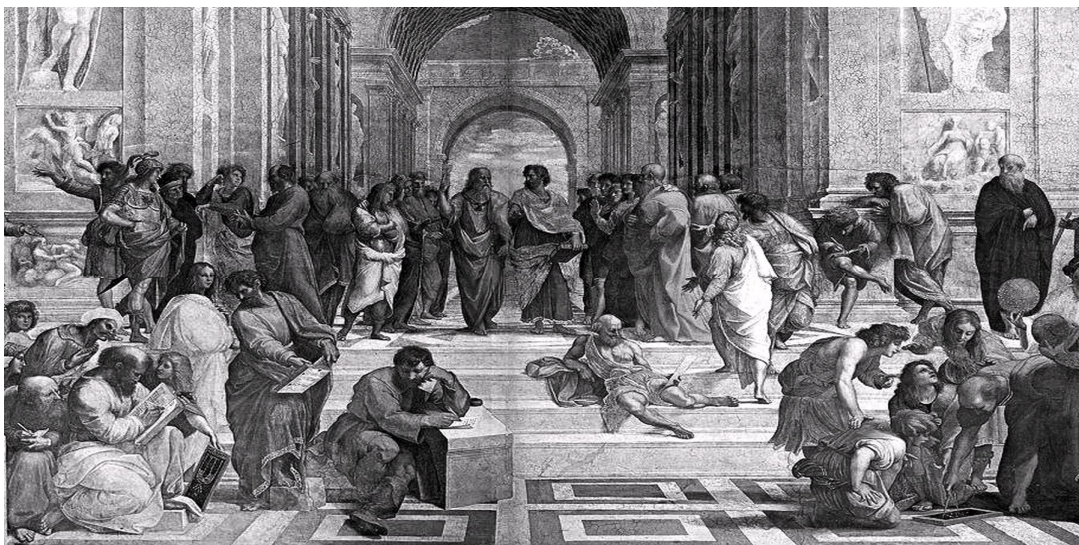

ТЕОРИИ, КОНЦЕПЦИИ, ПАРАДИГМЫ

Афинская школа. Фрагмент. Худ. Рафаэль Санти. 1510–1511

УДК 1+001

Батурин В.К.

Миф и пространство Науки

Батурин Владимир Кириллович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Всероссийского заочного финансово-экономического института (Москва), академик РАЕН

E-mail: BaturinVK@yandex.ru

В статье дается философский анализ генетической взаимосвязи феномена науки с мифологией. С помощью понятия «традиция» в ее различных модусах дается целостная панорамная картина порождения научного знания из своих мифологических истоков. Такое – принципиально философско-системное – понимание взаимосвязи науки и мифологии вскрывает важнейшие закономерности генезиса науки и позволяет гораздо глубже постигнуть ее природу и возможности дальнейшего развития.

Ключевые слова: мифология, наука, традиция, вторичная традиция, научное знание, критическая функция науки, научное сообщество, генезис науки, динамика развития научного знания, закономерности развития науки, исследовательская программа познания.

В нашей первой статье «Миф как пространство и время только что рожденного Человека» было показано, какую огромную роль сыграл миф, Мифологическое Начало как таковое для становления человека, для развития всех его практик, прежде всего интеллектуальных. Очевидно, что мифология сыграла свою исключительно важную роль и в становлении научного подхода к окружающей человека действительности. Нас исследовательски заинтересовал важный и принципиальный вопрос: нельзя как бы «вывести» из начала мифологического новое начало – научное, не прерывая целостной логики единого процесса становления человека со всем своим набором инструментов к самосохранению и развитию? Иначе говоря, как из еще живой и действующей мифологии рождается наука? На наш взгляд, ответ на этот вопрос крайне важен для правильной трактовки феномена науки, для понимания ее природы и перспектив дальнейшего развития науки.

К каким же принципиальным выводам мы пришли в своем исследовании этой важной научной проблемы – проблемы происхождения и природы Научного Начала и его взаимосвязи с Началом Мифологическим?

В первой своей статье, посвященной мифологии, мы проанализировали важнейшие мифологические традиции – бинарности, «Единого плана» мироздания, противоборческого отношения к природе – и показали, что разрушение Мифологического Человека и всех его атрибутов начинается с появления на определенных стадиях исторического развития архаичного общества так называемой вторичной традиции. Традиции, которая впервые получает возможности своего частичного изменения в целях адаптации к приобретенному человеком опыту. Традиции, которая теперь становится некой превращенной формой, способной к рефлексивному и рациональному сохранению для человека важных для него элементов его активности в мире. Все это, в конечном счете, приводит к важнейшему для научного познания событию – расщеплению целостной и единой мифологической традиции на традиции «первичные» и традиции «вторичные». Первичные традиции для нашего анализа не представляют никакого исследовательского интереса – они все те же мифологические традиции и никакого принципиально нового содержания в себе не содержат. Другое дело традиции «вторичные». Все значимое в них состоит в том, что «вторичные» традиции теперь становятся способными к своему развитию, к своему изменению.

Появление в структурах человеческой активности практик использования динамических вторичных традиций – первый шаг к становлению именно научного познания с его процессом отбора и сохранения в вербальных формах наиболее важных элементов человеческого опыта. Изменяемая (вторичная) традиция – это уже принципиально другая, отличная от первичной форма традиции. Первичная традиция является по-прежнему традицией исконно мифологической – неизменной и статичной. Вторичная же традиция теперь может изменяться и развиваться в контексте активности человека и того опыта, который ее сопровождает. Это и есть первоначальный прообраз нового понятия – понятия «знание». Знание рождается в форме именно «вторичных» традиций, которые могут изменяться, развиваться под воздействием меняющегося опыта человека. Решающее событие теперь произошло: в форме вторичных традиций найдено то, что поможет человеку двигаться в своем развитии дальше, причем развиваясь и совершенствуясь. Так из Мифологического Начала рождается новое Научное Начало.

Такая система динамически изменяющихся традиций теперь в полной мере способна «связывать» человека с прошлым, закрывая (до известной степени) ему возможность ретроспективного произвола. С другой стороны, именно она открывает человеку перспективу свободы в настоящем и будущем на основе прошлого, учитываемого только принципиально избирательно¹. Переход «традиция – вторичная традиция – знание» чрезвычайно важен для понимания всей проблематики теории познания и философии науки. Следует особо подчеркнуть во всех этих переходах их главный носитель, главный инвариант – традицию. Роль и значимость традиций в познании – исключительно огромна.

Ясно, что такая активность человека отличается от строго его ритуальной, когда человек мог быть не более чем «социальным автоматом» и «ходить» только «строеном» и строго «по колее». Теперь активность человека – некое отрицание ритуала и именно её можно назвать первоначальной формой деятельности – активности не строго регламентированной, активности с определенной степенью свободы и выбора различных её «редакций». Вот только теперь «освобожденная» активность (деятельность) соединяется с освобожденной, способной к интерпретации и изменениям вторичной традицией (первоначальной формой знания). Все элементы традиции пронизаны символическим содержанием, отсылают к закреплённым в той или иной культуре смыслам и архетипам.

Чтобы «присвоить» себе мир, сделать его своим, соответственно безопасным и понятным, нужно расколоть, расчленив, разделить мир, словно ритуальную жертву, а затем все вновь собрать воедино².

Ещё одна важная особенность мифологического процесса познания – идея всеединства Мира, которая актуализируется праздничными ритуалами, подчеркивает мантические возможности праздничного периода³.

Итак, в мифологические времена появилась особая, так называемая вторичная традиция, которая готова менять свое содержание, сопровождая человека в его изменениях и развитии в зависимости от приобретаемого им опыта. Мы в форме вторичной традиции действительно нашли («исчислили») ту возможную первоформу научного познания в содержании начал мифологических и проявили общую логику развития человеческого познания. Если посмотреть на суть вторичной традиции со стороны ее прежнего содержания, то хорошо становится понятной новая характеристика качества традиции, которой раньше принципиально не было: во вторичной традиции при изменении содержания проявляется критичность по отношению к старому содержанию. Именно вторичная традиция совершает в мифологии свою разрушительную роль – ей такой теперь присуща принципиальная возможность подвергнуть критическому пересмотру то содержание, которое в ней изначально содержалось.

Этот момент для нашего исследования принципиально важен в силу того, что научное познание изначально возникает именно как критическое отношение к предыдущему опыту активности человека. Сохранились прямые исторические свидетельства об этих обстоятельствах зарождения науки (а вместе с ней и ее теоретического осмысления – «начал» философии науки). Без всякого преувеличения ниже приведенное высказывание Плутарха может рассматриваться как одно из первых утверждений именно теории познания, как одно из отражений закономерностей развития (и зарождения) науки как особой человеческой деятельности.

Что же содержится в свидетельстве Плутарха? «По всей вероятности, в те времена [во времена Солона – В.Б.] мудрость одного только Фалеса вышла за границы практических нужд...»⁴.

¹ Новейший философский словарь. Мн., 2005. С. 1048.

² Домников С.Д. Мать – Земля и Царь – Город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С.38.

³ Там же. С. 110.

⁴ Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978. С.101.

В другом подобном важном историческом свидетельстве – теперь уже самого Аристотеля – особо отмечается, что «Анаксагора, Фалеса и им подобных называют мудрыми, но не умными, видя, что они игнорируют собственную выгоду, и говорят, что они знают нечто исключительное, изумительное, трудное и божественное, но бесполезное, ибо они ищут «не человеческих благ»¹.

Наука, таким образом, как предмет исследования теории познания и философии науки, имеет, согласно свидетельствам выдающихся мыслителей – Плутарха и Аристотеля, – очень важную и яркую особенность: она «исключительна, изумительна, трудна и божественна», но ...бесполезна, ибо ищет не человеческих благ. Критицизм научного по отношению к житейскому, меркантильному, узко утилитарному – вот изначально особенный смысл научного творчества! Более того, утилитарное первыми учеными преднамеренно отбрасывается, отвергается целенаправленно, а унитарно-житейский подход к явлениям окружающей действительности оказывается фактором принципиально мешающим, заслоняющим истину в познании природы, общества, других людей, самого себя, в разработке системы общих ценностей человеческого бытия и активности.

Еще одну первоначальную особенность научного начала подчеркнул Ф.Ницше; в своей работе «Сумерки кумиров, или как философствуют молотом»² он писал, что «с появлением Сократа диалектика входит в почет у греков... До Сократа в хорошем обществе избегались диалектические приемы: они считались признаками дурного тона и от них предостерегали юношество. Всякая аргументация вызывала недоверие! Честные люди и честные убеждения не нуждались в доказательствах их честности, носиться с этими доказательствами было просто неприлично. То, что требовало доказательства, имело тогда мало цены... диалектик считается шутком, над которым смеются, но к которому нельзя относиться серьезно. Сократ был шутком, заставившим относиться к себе серьезно».

Но так! Это для нас Сократ – великий философ и серьезнейший человек; для своих современников ему было необходимо доказать, что он не шут...

П.Тейяр де Шарден отметил ещё одну важную сторону становления научного мышления: рефлексия – приобретенная познанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, это способность уже не просто знать, а знать, что знаешь.

Ещё один пример, иллюстрирующий непростые моменты становления научного стиля мышления, принадлежит Ж.П.Вернану. Согласно исследованиям этого известного французского ученого, первые натурфилософы, объясняя происхождение мира, его устройство и явления (прежде всего метеорологические) «впервые перестали прибегать к драматическим образам... и грандиозным фигурам изначально великих божеств: возникновение мира и установление порядка они больше не объясняли подвигами и схватками сверхъестественных сил, составляющих основу мира. По убеждению милетских «физиков» не существует больше ничего, чтобы не было бы природой и только»³.

Ж.П.Вернан подчеркивает, что отныне сами люди, их божественный и обычный миры образуют вместе некий единый универсум, находящийся как бы в одной предметной плоскости. Они все – части одной и той же природы, для них всех действуют одни и те же силы. Здесь отмечен очень важный для становления научного познания момент: получается, что теперь в мире нет ничего сверх естественного (вспомним, как много этого начала было в мифологической картине мира!). Научное мышление осуществляет тотальное «выдавливание» сверхъестественного за исследовательские пределы, за границы науки и научного мышления.

Ещё одну существенную важную сторону становления научного подхода в античности проанализировал Д.Бом. Описывая так называемую органистическую картину мира древних греков, Д.Бом особо подчеркивает, что целостность этой картины мира – вовсе не от самой науки, а от предшествующей ей мифологии. Д.Бом показывает, что в момент становления научного в античности ещё сохранялась мифологическая целостность единой картины мира, ещё все дышало ею, она была ещё «теплой», ещё не остывшей.

Иначе говоря, научный сюжет теперь «пишет» во всем и везде как бы художник – наука и ее познавательные определенности (идентичности), но сам холст как бы пребывает в форме общей картины мира, по-прежнему, именно мифологической. Иначе говоря, с наступлением научных времен мифологические начала вовсе не пресекаются, мифология не уходит из человеческого познания целиком и полностью, она сохраняет свое влияние. Далее, с уходом мифологии и заменой её на науку начнется совсем другой процесс; Д.Бом очень хорошо и весьма кстати приводит этимологию слова «фрагмент», «фрагментировать». Смысл этих понятий – «ломать», «разбивать» и именно этим и начинает заниматься научное мышление, наука в целом, разрушая мифологическую целостность, единую картину мира, где все имело свое законное и естественное место.

Все эти обстоятельства интеллектуальной революции, которая совершалась в период зарождения античной науки, представляется «... столь внезапной и глубокой, что все и всегда о ней говорили как о «греческом чуде». Именно там, на ионийской Земле разум (логос) как бы вдруг освобождается от мифа подобно тому, как пелена спадает с глаз»⁴.

Для мифологического мышления, согласно Вернану, научное как особое отношение к окружающей действительности совершенно непонятно, поскольку повседневный опыт людей до науки мог быть понят и объяснен, мог иметь смысл лишь в сравнении с принятыми за эталон «изначальными» действиями богов», никак не иначе⁵.

¹ Там же. С.101.

² Ницше Ф. Сумерки кумиров или как философствуют молотом // Ницше Ф. Соч. Мн. 1997. С.139–140.

³ Вернан Ж.П. Происхождение древнегреческой мысли // Пер. с фр. М., 1998. С.14–16.

⁴ Вернан Ж.П. Происхождение древнегреческой мысли / Пер. с фр. М., 1998. С.128.

⁵ Там же. С. 129.

Дальнейший генезис научного познания не может быть правильно и относительно полно рассмотрен без анализа еще одного чуда античной науки – метафизики. Почему это чудо и что в метафизике такого чудесного и волшебного, прямо скажем, – божественного, с точки зрения масштаба и загадочности?

Этот вопрос следует сразу прояснить, поскольку для данной работы все это имеет исключительно важное значение в силу того, что в процессе познания сумела сохранить свою исключительную роль не только мифология, но и метафизика, от которой так нелепо и глупо попытался освободиться позитивизм во всех его формах.

Исходя из современных научных представлений «...метафизика может основываться на себе самой. Она не есть ни наука, ни мировоззрение. Будучи сердцевинной философией, метафизика приготавливает принципы философствования. Дело метафизики есть дело мысли, первичная (и привычная) работа фундаментально-онтологического мышления»¹.

«Чтобы увидеть метафизику в лицо», надо войти в мир онтологии, надо узреть лики Абсолютного. Вопросать абсолютное, равносильно спрашиванию о ничто»².

До сих пор живо и вполне «работает» аристотелевское понимание метафизики: «Есть некоторая наука, исследующая сущее как таковое, а так же то, что ему присуще само по себе. Эта наука не тождественна ни одной из так называемых частных наук, ибо ни одна из других наук не исследует общую природу сущего как такового, а все они, отделяя себе какую-то часть его, исследуют то, что присуще этой части»³.

Наконец, в заключение данного фрагмента, посвященного метафизике, сошлемся на современные исследования сути метафизического: «Метафизика не может быть полезной для экспериментальной науки. На небе не работают так, как на Земле. И в этом величие метафизики. Она бесполезна, говорил Аристотель, она не служит никому и ничему, ибо она выше всякого сервиллизма, всякого раболепства. Она бесполезна, потому что сверх полезна»⁴.

Вряд ли можно что-то к этому добавить. Для постижения сути научного познания отметим пока именно то, что метафизика сохраняет главное качество научного – ее принципиальную отрешенность от практического и меркантильного, и в этом плане она сверхполезна в том числе и для процесса познания. Метафизика – ядро научного в том ее качестве отрешенности от практической суестьи человека, которая не позволяет науке полностью «утонуть» в примитивном, все поражающем утилитаризме и позитивизме. Мифология и метафизика, как будет далее показано в нашем исследовании – два главных ключа к разгадке сути процесса познания.

Покажем, как действительно важна метафизика именно для процесса познания. От Фалеса до софистов наука (как метафизика) ещё обслуживает истину, еще остается настоящей наукой, но, к сожалению, весьма ненадолго. После софистов наука уже становится служанкой забот, желаний, страстей, выгоды. Сохранилась ценная информация о некоем Продике – ученике Сократа, который отличался корыстолюбием и «за малые деньги учил иному, чем за большие». «Младший» сократик Критий придумал пользу даже Богу (этот подход «работает» и до сих пор): Бог – надсмотрщик за прегрешениями людей. Но главный натиск на метафизику все же еще впереди...

Одна из центральных проблем становления науки, научного мышления со всеми его особенностями и свойствами – проблема взаимосвязи научного и мифологического. Колоссальное отличие мифологического от научного в том, что в мифологии человек искал внутренние смыслы для себя, не отделяя себя от природы, считая себя только её частью, изначально отдавая приоритет и господствующую роль природе, а не себе. В науке же человек начинает искать внутренние смыслы только для себя, отделяя себя от природы, считая себя неким хозяином, господином, а природу – как часть, как средство, как резервуар всяких полезностей, как служанку для исполнения желаний и потребностей человека, отдавая приоритет и господствующую роль уже не природе, а именно самому себе. Это сыграло роковую роль для человеческой цивилизации и последствия этого великого отделения человека от целостного мира мы наблюдаем на протяжении всей нашей истории, но особенно в наше время – время системного кризиса.

Известно, что выделяются три основных подхода к исследованию развития науки – кумулятивный, антикумулятивный и «кейс-стадис» (ситуационные исследования)⁵.

Первый, кумулятивный подход основан на таком представлении о научном познании, когда оно выступает в качестве поступательного движения, процесса постепенного пополнения знаний приближающегося к идеалу абсолютной истины. Кумулятивный подход к науке рассматривает её развитие лишь как уточнение, детализацию, совершенствование уже имеющихся знаний, без каких-либо разрывов непрерывности и качественных скачков. Развитие кумулятивной модели способствовало утверждению важного методологического подхода (названного впоследствии конвенционализмом), согласно которому непосредственным источником научного знания является не природа сама по себе, а её модель (модели), созданные исследователями предшествующих поколений ученых⁶.

Как кумулятивный подход объясняет возникновение нового знания? Э.Мах, например, решал эту проблему, опираясь на принцип непрерывности: ученый должен видеть в явлениях единообразие, представить новые факты так, чтобы подвести их под уже известные законы⁷. П.Дюгем признавал наличие в науке крупных сдвигов, переворотов, но усматривал задачу науки именно в том, чтобы включить их в такую историко-научную реконструкцию, которая обеспечит кумулятивность научного познания – постепенность и непрерывность, появление каждого нового

¹ Пушкин В.Г. Сущность метафизики: от Фомы Аквинского через Гегеля и Ницше к Мартину Хайдеггеру. СПб., 2003. С.3.

² Там же. С. 6.

³ Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М., 1976. Т.1. С. 119.

⁴ Пушкин В.Г. Указ. соч. С. 42.

⁵ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 247.

⁶ Там же. С. 248.

⁷ Маркова Л.А. Наука. История и историография XIX – XX вв. М., 1987. С. 96-98.

этапа на основе предшествующего развития знания. Согласно Дюгему, в генезисе «научной доктрины нет абсолютного начала; как бы далеко в прошлое ни прослеживали цепочку мыслей, которые подготавливали, подсказывали, предвещали эту доктрину, всегда в конечном итоге приходят к мнениям, которые, в свою очередь, были подготовлены, подсказаны, предвещены; и если прекращают это прослеживание следующих друг за другом идей, то не потому, что нашли начальное звено, а потому, что цепочка исчезает и погружается в глубину бездонного прошлого»¹.

Однако, данная (кумулятивная) модель имеет и уязвимый момент: ведь несостоятельность хотя бы одного элемента научного знания в силу системности последнего неизбежно должна была бы повлечь за собой разрушение всей его конструкции и, таким образом, поставить под сомнение саму идею научного прогресса. Но что же представляет собой процесс развития научного знания как не исправление прежних ошибок, избавление от иллюзий и заблуждений, доставшихся в наследство от предыдущих поколений учёных?

Вторая, антикумулятивная, модель развития науки, пытаясь преодолеть отмеченный выше недостаток, предлагает рассматривать развитие науки как революционную смену норм, канонов, стандартов, полную смену систем знаний, как прерывный процесс. В рамках данной модели вводится принцип несоизмеримости теорий (принцип научных революций) и, таким образом, преодолевается недостаток кумулятивизма.

Научные революции в рамках антикумулятивного подхода понимаются различными исследователями по-разному: придерживающиеся эволюционистских взглядов понимают научные революции как убыстрения эволюционного процесса. Представители постпозитивизма второй половины XX века рассматривают их как фундаментальную ломку старой парадигмы, научно-исследовательской программы в целом, причём вновь возникающие парадигмы, по их мнению, принципиально несводимы к предшествующим теориям, парадигмам, исследовательским программам². Так, Т.Кун³ утверждает, что в ходе научной революции возникает новая теория, уже вполне завершённая и оформленная, в то время как И.Лакатос⁴ полагает, что победившая в результате научной революции научно-исследовательская программа должна ещё развиваться, совершенствоваться до некоего «пункта насыщения», после чего начинается её неизбежный регресс.

Как известно, антикумулятивный подход оказал большое влияние на развитие науки второй половины XX века, хотя описание науки при этом было сведено только к противопоставлению т.н. нормальной науки (когда идет постепенное накопление знаний в рамках существующей парадигмы) и научных революций (периодов коренной ломки господствующих парадигм, замены их на новые). Надо отметить, что при всей своей новизне и эффективности, анти-кумулятивный подход к развитию науки, тем не менее, неразрывно связан с предыдущей, кумулятивной, моделью, поскольку и здесь развитие науки видится поступательным, а его непрерывность нарушается только в периоды научных революций. Антикумулятивная модель оказывается всего лишь неким фрагментом, отличным от кумулятивной модели как целого в той её части, которая относится к научным революциям.

Третий методологический подход к исследованию развития науки – использование ситуационных исследований («кейс-стадис»): «Кейс-стадис – это как бы перекресток всех возможных анализов науки, сформулированных в одной точке с целью обрисовать, реконструировать одно событие из истории науки в его цельности, уникальности и неповторимости»⁵. Согласно этому подходу, научное открытие понимается как новое знание, как нарушение непрерывности, как уникальное историческое событие, описываемое как единство идеи, содержания, цели предшествующей науки и культуры, условий жизни научного сообщества этого конкретного периода. Новое научное знание, открытие берется не изолированно, а рассматривается в контексте с имеющимися научными гипотезами, теориями, социокультурными, историческими, психологическими обстоятельствами, при которых данный новый научный результат был получен⁶.

В качестве недостатка данного методологического подхода следует отметить следующие важные положения. Относительно полное и всестороннее рассмотрение развития научного знания осуществляется только в локальных точках получения нового знания, только в фокусах, в узлах; но может ли знание в только точечных элементах развития науки дать возможность выявить закономерности всего процесса развития науки в целом? Не является ли подобный подход лишь мозаично-фрагментарным, «очаговым» описанием? Отмечаются и другие недостатки данной модели. Так, в исследовании Л.А.Марковой⁷ отмечается, что так называемые «кейс-стадис», столь модные во всяких менеджментах и маркетингах, на самом деле:

1) своим содержанием сосредоточены не на итоге определенного научного открытия, а на самом историческом событии в целом; следовательно, это больше историческое, чем содержательно – научное, теоретико-методологическое исследование;

2) «кейс-стадис» смешивает предшествующие, настоящие и последующие события, и отделить одно от другого представляется затруднительным;

3) в качестве целостного и уникального в «кейс-стадис» берется событие достаточно ограниченное, без должного разбега, без должного масштаба, без его предыстории;

¹ Там же. С. 100–101.

² Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фахти Т.Б. Философия для аспирантов. М., 2003. С.93.

³ Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории. Современная философия науки. М., 1996.

⁴ Лакатос С. История науки и её рациональная реконструкция // Структура и развитие. М.: Наука, 1978. Он же. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. Он же. Методология научно-исследовательских программ // Вопр. философии. 1995. №4.

⁵ Философия и методология науки. М., 1996. С.414.

⁶ Там же. С. 415.

⁷ Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: Предварительные итоги. М., 1997. С.63–65.

4) внутри «кейс-стадис» – принципиально ситуационных исследований – деформируются общие и универсальные научные понятия, критерии, нормы, поскольку с их помощью стараются описать частное (индивидуальное) и уникальное (событие, историческую эпоху, исследователя), слишком жестко погрузить науку в контекст культуры.

Научные начала, как было ранее показано, внутренним образом появляются из начал мифических. Они возникают в результате движения, изменения, развития первоначального смысла мифологических познавательных инструментов (традиций – первичных и вторичных) вплоть до того момента, когда интерпретационные сдвиги их содержания становятся значительными и полученное таким образом как продукт этих изменений уже никак не может быть отнесен к мифу как таковому.

Все сказанное порождает необходимость ответа еще на один очень важный вопрос, суть которого в следующем.

Что мы имеем? У нас есть некая динамика изменений, трансформаций мифологических начал (это характерно, прежде всего, для вторичных традиций) и наверняка есть какая-то направленность и обусловленность этих изменений. Куда ведет эта направленность? Ради чего все меняется так, как меняется? Единственна ли эта направленность или же речь должна идти о целом «пучке» подобных векторов? Если же она все же единственна, то что фактически тогда задает, что определяет заданную направленность интерпретационных процессов от мифологического к другому («научному») их полюсу? Наконец, что выполняет саму роль «редактора» принципиально возможных различных изменений и вариантов направленностей в пользу одного (или нескольких – это ещё нам предстоит определить) векторов содержательных изменений?

Попробуем и здесь «исчислить», «вывести» обоснованный и содержательный ответ на поставленные вопросы.

К.Маркс по этому поводу, как известно, подчеркивал, что «люди дают предметам особое (родовое) название, ибо они уже знают способность этих предметов служить удовлетворению их потребностей»¹.

Величайшую важность для нашего исследования имеет найденный нами у Владимира Даля смысл слова «познавать»²: «познавать ... познаму (нар.), по знаемому, известному, ведомому...».

Смысл данного понятия, имеющего самое непосредственное отношение к научному познанию, к науке состоит, очевидно, в том, что познавать – это значит относиться к предмету познания принципиально со стороны того, что уже известно, что уже ведомо познающему, т.е. фактически от того, что восходит к традиционному, к традиции. Но это только первая часть того смысла, которое нам представляется действительно важным, есть ещё и другая сторона, о которой сейчас мы и поведаем.

В.Даль приводит в качестве различных примеров употребления слова «познавать» только два предложения, но очень точных и метких, особенно второе. Вот это предложение: «Воруют познаму, узнав, где что лежит»³.

Мы не знаем, почему именно это предложение понадобилось великому исследователю В.Далю для прояснения слова «познание», но для нас такой пример – просто подарок, драгоценный подарок от В.Даля. Расшифруем сказанное более подробно.

Человек как чисто биологическое существо был обречен на полное исчезновение. Этот общеизвестный факт нам нужно использовать для того, чтобы описать ту достаточно сложную ситуацию, в которую попал тогда человек, и из которой он сумел так замечательно и эффективно выйти.

Человек для этого вынужден был найти особые, принципиально не биологические инструменты своего дальнейшего существования и активности именно в полном соответствии с вышеуказанным предложением В.Даля. Человеку для своего выживания потребовалось именно познавать, т.е. все время искать и находить, что и где в природе «лежит» для того, чтобы это у природы... украсть для решения своих различных человеческих проблем выживания и сохранения себя как живого существа!

Мы понимаем всю «несимпатичность» описанного действия под названием познание, но именно эта цель – узнать, где что лежит» у природы – суть науки как особой человеческой деятельности.

Узнать для того, чтобы затем использовать в своих корыстных человеческих целях. Ещё раз подчеркнем, что эволюционное приспособление человека с помощью разума, по Далю, достигается использованием с помощью разума и путем воровства у природы того, что может быть использовано в корыстных целях.

Что получили в итоге к этому моменту нашего исследования?

В науке, в отличие от мифологии, человек предстает уже далеко не космическим существом; теперь он обременен не своей всеобщей и мировой миссией, а только тем, что нужно лично ему. Ради этого человек решительно отделяет себя от остального мира, от природы. Более того, человек превращает себя в ее часть, но часть господствующую, властвующую и хозяйствующую... Часть природы – человек забывает о том, что он – только часть; человек мнит из себя хозяина Мира, а Мир ему представляется резервуаром, из которого можно черпать и черпать различные ресурсы для его человека, потребностей.

Но что значит «владеть», что это значит быть хозяином, быть «господином»? Нам и здесь поможет разобраться В.Даль⁴: «Управлять, распоряжаться, заведовать, быть хозяином, распорядителем чего, подрядничать...»

Итак, быть хозяином и господином – это, прежде всего, значит управлять, заведовать тем, что наличествует!

Управление – это владение, подчинение того, чем управляют, тому, кто управляет.

Хорошая получается картина!

Сначала человеку нужно познать «что где лежит» у природы для того, чтобы у неё это... так сказать...

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С.377.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1989. Т.3. С.232.

³ Там же. С. 232.

⁴ Там же. Т.4. С. 504.

украсть. Для того, чтобы в корыстных целях человека это можно было бы употребить, нужно этим научиться управлять; управлять же присвоенным можно с помощью познания законов и закономерностей природы по отношению к тому, что у неё изъято. Получается не просто воровство, а воровство в квадрате и даже кубе!

В самом деле, мало того, что это что-то у природы человеком просто изымается, так еще им изымается совокупность тех законов природы, которые, в совокупности, этим самым в самой природе управляют! Завершается же свальное человеческое «познание – воровство» воровством у природы самого человека, переключением его с космических целей и смыслов на цели и смыслы собственного самообслуживания.

Несколько неожиданные материи у нас вырисовываются, но они именно таковы, и ничего тут не попишешь. Из анализа научных начал науки принципиально важны пока два положения.

Во-первых, хорошо видно, что тот опыт, то знание, которое человеку необходимо для своего существования, всегда дихотомично и представлено как эссенциалистской своей стороной, стороной сущностной (отвечая на вопрос о том, «что это»), так и аксиологической, ценностной, оценочной (отвечая на вопрос о том, «для чего» это нужно человеку) стороной.

Таким образом, знание, научное знание – это всегда единство эссенциалистского и аксиологического, единство сущности и ценности.

Во-вторых, принципиально дихотомична сама человеческая деятельность – ведь активность направлена как на познание того, что где лежит «вкусненького» для человека (познавательный компонент деятельности), так и на управление тем, что было найдено и что надо употребить (управленческий компонент целостной деятельности).

Таким образом, человеческая деятельность являет себя как целостное единство познания и управления, которые выступают как некоторый единый каскад человеческой активности в форме деятельности, состоящий из фазы познания и фазы управления.

Теперь-то вполне понятно, почему в режиме ритуала мифологический человек в своей активности не более чем автомат, способный только на воспроизведение традиционного, на выполнение четко очерченных действий в рамках обрядов, ритуалов, табу, праздников и т.д. Понятно, поскольку у человека с ритуальным режимом активности «отключены» как познавательная, так и управленческая компоненты; отключены умышленно, целенаправленно, – так надо элите, вождам и жрецам, у которых наличествует активность в режиме деятельности с «включенными» познавательными и управленческими элементами. Можно даже отметить это обстоятельство в несколько парадоксальной форме: управление ритуальной активностью большинства архаичного общества обеспечивалось деятельностью активностью её элиты на ... научных принципах единства познавательного и управленческого начал. Именно так, хотя и достаточно неожиданно!

Поражает единство, принципиальная целостность познания и управления – ведь отсюда следует, что те, кто занимается познавательной деятельностью, они же занимаются деятельностью и управленческой. Выходит, что представители научного сообщества фактически являются управителями, пилотами нашей человеческой цивилизации!

Это – новый, авторский взгляд на научное сообщество и вполне очевидно, что его нужно развивать и обосновывать значительно более основательно и подробно. Нам необходимо системно разобраться с процессом познания в контексте человеческой деятельности. Уже всем ясно, что именно там сокрыты многие важные стороны этого важнейшего для человеческого существования процесса, благодаря которому человек как биологическая особь сумел продлить свой век.

Но об этом – в следующей статье – «Пространство человеческой деятельности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Наука, 1976.
2. Вернан Ж.П. Происхождение древнегреческой мысли // Пер. с фр. М., 1998.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1989.
4. Домников С.Д. Мать – Земля и Царь – Город. Россия как традиционное общество. М., 2002.
5. Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фахти Т.Б. Философия для аспирантов. М., 2003.
6. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории. Современная философия науки. М., 1996.
7. Кун Т. Структура научных революций. М., 1978.
8. Лакатос И. История науки и её рациональная реконструкция // Структура и развитие. М., 1978.
9. Лакатос И. Методология научно-исследовательских программ // Вопр. философии. 1995. №4.
10. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
11. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001.
12. Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: Предварительные итоги. М., 1997.
13. Маркова Л.А. Конец века – конец науки? М., 1992.
14. Маркова Л.А. Наука. История и историография XIX – XX вв. М., 1987.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М., 1974.
17. Ницше Ф. Сумерки кумиров или как философствуют молотом // Соч. Мн, 1997.
18. Новейший философский словарь. Мн., 2005.
19. Пушкин В.Г. Сущность метафизики: от Фомы Аквинского через Гегеля и Ницше к Мартину Хайдеггеру. СПб., 2003.
20. Фесенкова Л.В. Методологические аспекты жизни в космосе. М., 1981.
21. Философия и методология науки. М., 1996.
22. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.